

Владимир КОСАРЕЦКИЙ

ПОСЛЕДНИЙ ЖУРАВЛЬ

P2

K-71

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БАРНАУЛ 1979

Влас. Косаревский

69464

8

ПОСЛЕДНИЙ ЖУРАВЛЬ

Читальный зал
Павловская ЦРБ.

P2
K71

Косарецкий В. К.

К 71 Последний журавль. Стихи. Барнаул, Алт. кн. изд., 1979.

48 с.

Стихи Владимира Косарецкого негромко и проникновенно рассказывают о поле и хлебе, о людях, возделывающих это поле и растящих хлеб, о тех новых отрадных переменах, что произошли в жизни сельчан за последние годы, о красоте родной природы.

«Последний журавль» — первая книга молодого поэта.

К $\frac{70402-063}{M138(03)-79}$ 40-79

P2

©Алтайское книжное
издательство, 1979.

БОРОЗДА

Сверкают в травах росы, как слюда,
На поле трактор ходит круг за кругом,
И, неотступно следуя за плугом,
Веселая вскипает борозда.

Сохою древних предков рождена,
На нашей перегруженной планете,
Не прерываясь, тянется она,
Перечеркнув хребты тысячелетий...

Земля и труд, сказал один мудрец,
Основа жизни. Угадать не трудно,
Что станет на планете многолюдной,
Когда придет той борозде конец.

Так пусть бежит за плугом борозда,
Да не запнется лемех о преграду...
Нет, ничего другого мне не надо —
Бежала бы за плугом борозда.

ЗАВИСТЬ

У автопарка, как перед собранием,
Толпился любознательный народ.
А был объектом общего вниманья
Могучий трактор марки К-700.

Перед толпой водитель для показа
Исполнил два искусных виража,
И на зевак, довольный и чумазый,
Смотрел, как со второго этажа.

Аж дед Макар, ссутуленный, в морщинах,
Не удержался от восторга: «М-да...
Вот это, брат, машина так машина!
Такую б мне в тридцатые года!

Да я на ней, хоть верьте, хоть не верьте,
И гору б сдвинул. Шутка ль, столько сил..
Эх, молодежь, завидую вам, черти!» —
И костылем окурок погасил.

АПРЕЛЬ

Утих набат кузнечной наковальни.
Откован зуб последней бороны.
Прозрачный воздух, звонкий и хрустальный,
Настоен сплошь на запахах весны.

Заводят речь о севе трактористы,
Горланит в поле ярмарка грачей,
И шар земной висит парашютистом
На белых стропах солнечных лучей.

ПАМЯТЬ

Чудес, известно, мало ли в природе.
Когда я был еще совсем мальцом,
Сорвали тыкву в нашем огороде
Да еле затащили на крыльцо.

Мне не забыть, как бабушка твердила:
«Поклон те, боже. Скот наш будет сыт.
Такая свекла нынче уродила!
Швырни в телка — собьешь его с копыт».

А дед с ухмылкой: «Боже все да боже...
И что, клюка, заладила свое?
Земля... она ишшо не это может,
Когда любить и жаловать ее».

СТРАДА

Сентябрит. Паутинки летают
Средь погожего ясного дня,
И горланят грачиные стаи
На полях, где желтеет стерня.

И березки, грустя втихомолку,
Смотрят, как по степи озорно
К элеватору мчатся трехтонки
С золотистым пшеничным зерном.

Они мчатся в пыли разогретой,
И сдается, что осень сама
Уходящее красное лето
На машинах везет в закрома.

В МАСТЕРСКОЙ

Мечет молнии сварка,
Искры сыплются с треском.
От работы здесь жарко,
От работы здесь тесно.

За резцом наблюдая,
Токарь точит детали.
Брызжет стружка, сверкая,
От податливой стали.

А на стенде обкатки
Дизель чакает четко.
Отбивает в порядке
Каждый клапан чечетку.

Кузнецы капли пота
Утирают устало.
Непростая работа —
Хлеб ковать из металла.

ЗАКАЛКА

Темно — хоть выколи глаза.
Густой туман. Мороз под сорок.
И вдруг шофер — на тормоза.
«Наверно, лопнула рессора».
Проворно вылез на мороз,
Вернулся весь заиндевелый
И как-то сухо произнес:
— Один лишь лист остался целым.
Сказал и тронул не спеша
Вперед по скользкой гололеди.
А у меня болит душа:
Вдруг да не выдержит последний.
С тревогой вглядываюсь вдаль.
Добраться б... Времени не жалко.
Ну хоть бы выдержала сталь,
Не подвела ее закалка.
Но не случилось ничего.
Успели мы на теплый ужин...
И у шофера моего
Была закалка, знать, не хуже.

СВАРЩИК

Металлом жидким в опояску
Кронштейн обваривает он.
Как санитар кладет повязку —
Со всех сторон, со всех сторон.

Но вот откинул маску — значит,
Деталь надежно приварил,
И, пот со лба смахнув горячий,
От электрода прикурил...

ПОСЛЕДНИЙ ЖУРАВЛЬ

Качается дым бирюзовый.
Запутался хмель в городьбе.
Опять по сердечному зову,
Село, я вернулся к тебе.

Все то же: и воздух, и солнце,
И роща свежа и бела.
Но где тот журавль у колодца,
Что высился в центре села?

А, помню я, мама шутила,
Мой чуб пятерней шевеля:
— Возьми-ка ведерко, мой милый,
Беги попой журавля.

И вот его, стало быть, нету...
А где он стоял, долговяз,
Лоснится асфальт разогретый,
Ершится подстриженный вяз...

И жизнь себе строит иную
Крестьянин, хозяин земли.

Припрятал он конскую сбрую,
Седлает теперь «Жигули».

Никто из крестьянского люда
В душе не клянет свой удел.
А мне-то все жаль, что отсюда
Последний журавль улетел.

ДОЖДЬ

На лист травы упала с неба капля,
За ней — другая. И ударил гром!
И молния, похожая на саблю,
Сверкнув, вонзилась в землю наизлом.

Грома вокруг стучали, как зенитки,
Подул свежак, бросало землю в дрожь,
Но агроном, весь вымокший до нитки,
Одно твердил от радости: — Хор-р-ош!

МНОГОСНЕЖЬЕ

Вяжет кружево метель,
Под окном — суметы.
Словно дальний коростель —
Скрип да скрип ворота.

И не хочешь, да порой
Станешь домоседом:
За дверями — снег горой,
Хоть звони соседу.

Дескать, братец, помоги,
Веришь ли не веришь:
После дьявольской пурги
Не откроешь двери...

Вдоль завьюженных ворот
По сугробам лихо
Мчится трактор К-700 —
Только следом вихри.

Настоящий богатырь
Огненного цвета.
Не страшны ему Сибирь,
Многоснежье это.

В СЕНОКОС

Кот, мурлыча, жмурится спросонок.
У ворот стоит в упряжке конь,
А в сарае мордочкой теленок
Тычется в хозяйскую ладонь.

Ждет, когда дадут ему напиться
Из ведра парного молока.
Утро ясноглазое сочится
Сквозь косую щель у потолка.

Улыбаясь ведренной погоде,
Бригадир выходит на крыльцо,
И подсолнух рыжий в огороде
Повернулся к солнышку лицом.

Пропылила по селу трехтонка,
Тракторный пускач забормотал.
Отсыревший от росы металл
Сеном и бензином пахнет тонко...
Сенокосный день опять настал.

69464

ЭТЮД

Сковал ветра мороз трескучий,
Не шелохнутся ветки в инее,
И подпирает в небе тучи
Стальным плечом электролиния.

Вдоль тихих улиц, по-над хатами
Сугробы, как медведи белые,
И провода висят канатами
И чуть дрожат, заиндевелые.

Бегут машины вереницею
В своем стремительном содружестве,
И реактивный сизой птицею
Торит на небе трассу мужества...

БРИГАДИР

Отбросив долой одеяло,
Из кринки хлебнув молока,
В своем полушубке линялом
Пошел запрягать он Серка.

— Ремень затянул бы потуже!
Давно ли болела спина? —
Пугая январскою стужей,
Вдогонку кричала жена.

Светало. Горели неярко
Огни возле скотных дворов.
Туда собирались доярки
Доить неуклюжих коров.

Скрипели натруженно сани,
И силос вонял за версту,
И пар от него, как из бани,
Валил и редел на лету.

«Настрой-то как будто хороший», —
В уме рассуждал бригадир.
А сам поторапливал лошадь:
На ферме он был командир.

КУЗНЕЦ

Горно, как печка, пышит жаром.
Кузнец достал каленый прут,
И от могучего удара
Взлетели искры, как салют.

Еще удар — и снова искры.
И вот сменила форму сталь...
Так на глазах легко и быстро
Умелец выковал деталь.

И снова прутья доставал он,
Брал в руки молот... Тук да тук...
И так же сталь салютовала
Уменью этих сильных рук.

РАЗДУМЬЕ

Как сильно схожи пахарь и поэт!
Их меж собою, в сущности, сближает
Забота о грядущем урожае,
Чтоб на земле оставить добрый след.

Поэт, как пахарь, помнит об одном:
Успех дается кровью лишь и потом,
А критик — это тот же агроном,
Всегда найдет огрех в твоей работе.

Так значит, стихотворец, не спеши,
Чтоб нива урожайная созрела,
Поглубже строки-борозды паши
И зерна слов укладывай умело.

Стремись и сроки сева соблюсти.
Чуть запоздаешь — осень бровь насупит —
Успеет, может, колос зацвести,
А восковая спелость не наступит.

Тогда, смахнув с лица горячий пот,
Вздохнешь: иссяк лимит тепла и света,
И ларь пустой, и прожит целый год...
Завидна ль участь позднего поэта?

Ты сказала: не любишь стихи.
Мол, они усыпляют.
Кто ж тебя, за какие грехи
Их любить заставляет?

Утром ты посмотрела в окно.
Как заря полыхала!
Только было тебе все равно.
Ты о чем-то вздыхала.

Мы у моря бродили с тобой,
О поэзии споря,
Ты смотрела в простор голубой,
Но не видела моря.

Я, бывало, цветов накуплю —
Ты духам была рада...
Говоришь мне: «Стихи не люблю».
Доказательств не надо.

КОГДА НОЧЬЮ ГУДЯТ ПРОВОДА

Когда ночью гудят провода,
Предвещая ненастья угрозу,
Мне снится: бомбить города
Те, с крестами, летят бомбовозы.

Выключаю немедленно свет,
Припадаю к подушке щекою,
И глаза, хоть опасности нет,
Как малыш, заслоняю рукою.

И мерещится как наяву:
Бомбы черные падают с неба
На дома, на обозы, в траву,
На сокровища спелого хлеба.

Люди мечутся, как муравьи,
Под раскатами страшного грома,
И лежит мой ровесник в крови
У развалин разбитого дома...

Когда ночью гудят провода,
Мне не спится, как в детстве тогда.

НА БОРТУ ЯК-40

Зажигая улыбки на лицах
И дробя на куски тишину,
Наш Як-40 стремительной птицей
Комфортабельно взмыл в вышину.

Рвет на части упругие ветры,
А в салоне тепло и светло,
И со свистом летят километры
Сквозь его громовое сопло.

Подо мною за облачной пленкой
Городок показался в степи,
И толкает соседка девчонку:
— Скоро сходим, дочурка, не спи.

Щебетание это земное
Не забудется скоро. Ей-ей!..
Был бы Яковлев рядом со мною,
Не сдержал бы улыбки своей.

СМЕЯЛАСЬ ЖЕНЩИНА

Смеялась женщина хрустальным смехом,
Из глаз струилось пламя васильковое,
А губы рдели спелой земляникой
Средь улицы в часы зари вечерней.
Оттаивали души у прохожих
От леденистых наслоений дня.
Одни в ответ ей нежно улыбались,
Другие замирали на ходу
И долго вслед, как статуи, глядели.
Смеялась женщина, и всем казалось:
Звенит родник у тихой синей речки,
Вода в котором до того прозрачна,
Что виден каждый камешек на дне.
Она не шла — плыла легко и вольно,
А рядом неказистый шел мужчина
Должно быть, муж ее или знакомый,
Тот самый, что ее развеселил...

СТИРАЛА ДЕВУШКА БЕЛЬЕ

Стирала девушка белье,
Где сбились лодки у причала,
И отражение ее
Вода зеленая качала.

Вальком стучала без конца,
Игриво изгибая талию,
И у румяного лица
Десятки радуг расцветали:

Смотрели парни на нее,
И я среди них... Стояло лето...
Как далеко все было это!..
Стирала девушка белье.

Дождит. Тепло уходит к югу
Под гомон птичьей кутерьмы,
И трактор лемехами плуга
Отрезал лето от зимы.

Давно в лугах не свищут косы,
Июнем пахнет сеновал,
И, выгнув шею в знак вопроса,
О чем-то гусь затосковал.

УТРО

Соловьи на воде и на суше
Объявляют войну тишине.
Лопухи, как огромные уши,
Настороженно чутки во сне.

Серый цвет, что исходит с востока,
Все ясней. А на дальнем лугу
Рыжий месяц за синей протокой
По макушку зарылся в стогу.

По низинам разлита прохлада,
Каждый кустик одет в пелену,
Да зарей пробужденное стадо
С мягким хрустом жует тишину.

Стога, как доты. На бойницы
Легли снега белым-белы.
И лишь торчат, чернея, вицы
Как пулеметные стволы.

ЗЕМЛЯНИЧНАЯ ПОРА

Только солнце спозаранку
Превратит в алмаз росу,
Земляничные полянки
Загораются в лесу.

И дары земные эти,
Что усыпали траву,
Собирают шумно дети,
Без конца крича «ау».

А когда в закатных бликах
Заалет ткань рубах,
В села запах земляники
На своих несут губах.

У РЕКИ

Ночь, как в сказке. Лыдинкой тонкой
Выплыл месяц из-за туч.
Где-то булькает незвонко
Меж камней бессонный ключ.

Где-то кричат коростели
В росных травах на лугу,
И туман, как вату, стелет
Ночь на спящем берегу.

Смолкли птицы в перелеске.
Тишина, покой везде.
Лишь дрожат от рыбьих всплесков
Звезды, спящие в воде.

ЗАЙЧОНОК

Вновь Весна с Зимой дерется,
Бьет в сосульки-бубенцы,
И летят осколки солнца
Над землей во все концы.

И однажды утром рано
(Может, в гости захотел?)
Сквозь стекло оконной рамы
К нам осколок залетел.

Словно беленький зайчонок,
Поселился он в углу,
И играет с ним котенок
Несмышленный на полу.

ВЕСЕННЕЕ

Опять, ожив, блуждают соки
В корнях берез и тополей,
И солнце бьет с небес высоких
Прямой наводкой по земле.

И петухи по всей округе
Буквально спятили с ума:
Перекричать хотят друг друга,
Что отбуянила зима.

Все близко сердцу и знакомо:
Бежит ручей по склону вскачь,
А рядом главным агрономом
По талой пашне ходит грач.

СИНЕВА

На просторах степного Алтая —
Синева без конца и без края.

Погляжу ли на небо сперва —
Синева, синева, синева.

Кину взгляд через Обь на луга —
В синем мареве тонут стога.

В зимний день посмотрю на поля —
Синим пухом покрыта земля.

Сибирячке в глаза загляну —
Полыхнут синевой. Ну и ну!..

Опять листва кружится в пляске,
Гудят над степью провода,
И строки доблести крестьянской
В поля вписала борозда.

Опять ни молнии, ни грома,
Ни тонких запахов с полей,
А по ночам на крыше дома
Луна, как дыня на столе.

На плесах речки — крик утиный
(Тревогу птиц не передашь),
И ветерок на паутинах
Играет им походный марш.

Утеплены в деревне хаты,
В садах не слышно соловьев,
И отрастил себе сохатый
Рога для яростных боев.

Заглянешь в лес — калины гроздь
До красноты раскалены,
И в ствол поваленной сосны
Вколачивает дятел гвозди.

Вот и сирень разделась.
Первые холода.
Крошевом белым-белым
Запорошило даль.

Скоро скрипеть полозьям,
Если земля бела.
А посмотрю на озеро —
Черное, как смола.

Только закраин льдины
Пудрит снежок слегка.
Кучно на середине
Стайкою лебединой
Плавают облака.

Как-то легко и грустно,
Как-то не по себе...
Пахнет листом капустным
По вечерам в избе.

Пора отлета птичьих стай.
Болота стонут вечерами.
На небе звезды — хоть считай,
Они висят в оконной раме.

Уже деревья полуспят,
И в согре, что плющом обвита,
Гвоздями ржавыми опят
Лесная прель к земле прибита.

Поля, как серое сукно,
И что близко зимы начало,
Мне клювом тоненьким в окно
Вчера синица постучала.

ОХОТНИЧЬЯ СТРАСТЬ

Днем и ночью, зимою и летом
Покидал я насиженный кров.
Был стрелком, следопытом, поэтом,
Кулинаром у дымных костров.

Нежил сердце березовым соком,
Родниковой прозрачной водой.
Не с того ли я ростом высокий,
Не с того ли душой молодой?

Если даже бывали невзгоды,
Не давала ты духом упасть,
Страсть живая братанья с природой,
Волевая охотничья страсть.

ПОЕДИНОК

Мне как-то видеть довелось
Однажды в утреннем часу,
Как бились два могучих лося
В пропахшем осенью лесу.

Ходили мускулы витые,
Трещала крепь стальных рогов,
И злобно, кровью налитые,
Глаза сверкали у врагов.

Летела шерсть с загривков лихо,
Рев раздавался в тишине,
А благородная лосиха
Паслась спокойно в стороне.

Холод щеки колет, как иголкой,
Расщепляет бревна у избы,
И стоят над крышами в поселке
Дыма стометровые столбы.

Неподвижный воздух синий-синий...
То ли в сказке, то ли наяву
Я на лыжах, выбеленный в иней,
Не иду, а, кажется, плыву.

Солнца луч сквозь облачное сито
Брызжет на деревья и кусты,
И стоят над речкою ракиты —
Ярче всех шедевров красоты.

Меня туманы свежестью поили
И по ночам баюкал коростель,
А стог душистый предлагал постель,
Чтоб я проснулся в бодрости и силе.

Пробив непрочный облачный шатер,
Ко мне луна спускалась караваем,
И, головням погаснуть не давая,
Пылая, звезды падали в костер.

Звучаньем сотен птичьих голосов
Перекликались в сумраке болота...
Благодарю за все тебя, охота,
За звон ручьев и за приют лесов,
За крылья для душевного полета.

Разом все надоест. Потушу сигарету.
К черту! Брошу на стол я тетрадь и перо.
И шагну в темноту, и навстречу рассвету
Побреду под искрящимся звездным шатром.

И пускай мне в лицо ударяются ветки,
Светофорами светятся рысьи зрачки.
Пробудился во мне вольный дух моих предков,
Кому страх не знаком, как и чувство тоски.

Пусть орут в тишине, надрываются лешие,
Пусть бормочет сова, накликаая беду.
Я отброшу ружье, что на шею повешено,
На медведя с рогатиной смело пойду.

Будут пахнуть ветра резедою и мятой,
Будут сучья в тайге под ногами трещать,
И с луной на рогах одинокий сохатый
Верным спутником будет мне путь освещать.

Я пройду пол-Руси сквозь звенящее лето
Без дорог, напрямик, полунаг, полубос,
А домой ворочусь по знакомым приметам
С просветленной душою от солнца и рос.

РЫБАЧОК

Блики солнца в речке скачут.
Сев на камень-пятачок,
На реке сидит рыбачит
Босоногий рыбачок.

Удилишко-хворостина
Словно замерло в руках,
Лишь качается картинно
Красный чепчик поплавка.

Поплавок запрыгал зыбко,
Взмах руки через плечо,
И на солнце плещет рыбка —
Серебристый чебачок.

Мальчик весело смеется,
Пальцы тянутся к крючку,
И со звоном капли солнца
С рыбки падают в реку.

Я с лесом всегда на «ты»,
Как будто с хорошим другом.
Деревья, травы, цветы,
Все прелести красоты —
К моим, хоть к твоим услугам.

Всем пользуйся, если друг:
Зеленой дыши прохладой,
Грибы собирай вокруг
И ягоды, если надо.

Устал — отдохни на пне,
Намок — набери дровишек,
А хочешь — сжигай в огне
Охапки сосновых шишек.

Он щедр для меня. А я
Взаимностью как отвечу?
Чем я одарю при встрече?
И в этом беда моя.

СОДЕРЖАНИЕ

Борозда	5
Зависть	6
Апрель	7
Память	8
Страда	9
В мастерской	10
Закалка	11
Сварщик	12
Последний журавль	13
Дождь	15
Многоснежье	16
В сенокос	17
Этюд	18
Бригадир	19
Кузнец	20
Раздумье	21
«Ты сказала: не любишь стихи...»	22
Когда ночью гудят провода	23
На борту Як-40	24
Смеялась женщина	25
Стирала девушка белье	26
«Дождит. Тепло уходит к югу...»	27
Утро	28
«Стога, как доты. На бойницы...»	29
Земляничная пора	30
У реки	31
Зайчонок	32
Веселнее	33
Синева	34

«Опять листва кружится в пляске...» . . .	35
«Утоплены в деревне хаты...» . . .	36
«Вот и сирень разделась...» . . .	37
«Пора отлета птичьих стай...» . . .	38
Охотничья страсть . . .	39
Поединок . . .	40
«Холод щеки колет, как иголкой...» . . .	41
«Меня туманы свежестью поили...» . . .	42
«Разом все надоест. Потушу сигарету...» . . .	43
Рыбачок . . .	44
«Я с лесом всегда на «ты»...» . . .	45

*Владимир Кузьмич
Косарецкий*

ПОСЛЕДНИЙ ЖУРАВЛЬ

Стихи

Редактор-
составитель
Вл. Башунов
Художник
В. Туманов
Художественный редактор
В. Еранкин
Технический редактор
М. Сафонова
Корректор
Г. Ульченко

ИБ 656

АГ 14774. Сдано в набор 13. 08. 1979 г.
Подписано к печати 17. 09. 1979 г. Формат
60x90/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура ли-
тературная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 1,5. Уч.-изд. л. 0,955. Тираж 5000 экз.
Заказ № 2019. Цена 10 коп.

Алтайское книжное издательство. Госу-
дарственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной тор-
говли — 656015, Барнаул, Ленина, 76.

Производственное объединение «Полигра-
фист» управления издательств, полигра-
фии и книжной торговли крайисполкома—
656023, Барнаул, Г. Титова, 3

10 коп.